

Г. С. Зеленина

«МОМЕНТЫ ГЛУМЛИВОГО ЦИНИЗМА»: ОБРЕТЕНИЕ ДОСТОИНСТВА ЧЕРЕЗ УНИЖЕНИЕ УНИЖАЮЩИХ

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА И ГОСУДАРСТВЕННОЙ
СЛУЖБЫ ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»
(РАНХиГС)

Лаборатория историко-культурных исследований
Школа актуальных гуманитарных исследований

«Моменты глумливого цинизма»:
обретение достоинства через унижение унижающих

Г. С. Зеленина ^{ab}

ORCID: 0000-0001-9411-4102

✉ galinazelenina@gmail.com

^a *Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ
(Россия, Москва)*

^b *Российский государственный гуманитарный университет
(Россия, Москва)*

Москва 2021

Аннотация: Статья рассматривает элементы комического в нарративах еврейского национального движения, или движения отказников, в позднем СССР, основываясь как на позднейших устных и письменных воспоминаниях, так и на синхронных движению письмах во власть и зарубежной общественности. Комические эпизоды и иронические пассажи оказываются важной частью диалога и борьбы еврейских активистов с властью, имеющих как прямую, так и косвенные цели, и обсуждаются как «оружие слабых» в символическом сопротивлении меньшинства подавляющему его режиму.

Ключевые слова: СССР, КГБ, еврейское национальное движение, отказники, письма во власть, символическое сопротивление, тоталитарный смех

The Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration

Centre for Studies in History and Culture
The School for Advanced Studies in the Humanities

“Moments of mocking cynicism”:
Gaining dignity through the humiliation of humiliators

G. S. Zelenina^{ab}

ORCID: 0000-0001-9411-4102

✉ galinazelenina@gmail.com

^a *The Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration
(Russia, Moscow)*

^b *Russian State University for the Humanities
(Russia, Moscow)*

Moscow 2021

Abstract: The paper examines comic elements in the narratives of the Jewish national movement (or Refusenik movement) in the late USSR, drawing from later sources, oral and written memories, as well as from letters to the authorities and to Western public, contemporary with the movement. Comic episodes and ironic tone turn out to be an important facet of Jewish activists' dialogue with the authorities and are discussed as such, or as "weapon of the weak" within the symbolic resistance of Refuseniks to the repressive regime.

Keywords: the USSR, KGB, Jewish national movement, Refuseniks, letters to the authorities, symbolic resistance, totalitarian laughter

Содержание

Введение.....	6
1. «Немного подразнить советскую власть»: трикстерские выходки	8
2. «Не могут удовлетворительно ответить на обоснованные претензии»: нарратив интеллектуального превосходства.....	15
3. Риторика впечатления	19
4. «Оружие слабых»	21
Заключение.....	24
Список источников.....	25

Введение

«...Ведь есть иудеи-лауреаты, заслуженные лицедеи империи, на персональных ослах ездят!» При рассмотрении темы комического в еврейском национальном движении в СССР 1960–1980-х годов первыми приходят на ум пуримшпили – один из самых известных продуктов отказнической субкультуры. Пуримшпили сочиняли и играли на протяжении двух десятилетий в отказных кругах Москвы, Ленинграда, Риги, Вильнюса, Тбилиси и т.д. Они составили обширный корпус в несколько десятков авторских текстов, из которых некоторые сохранились полностью, иные – в частичных реконструкциях по памяти, многие утрачены.

Пуримшпили стали предметом как мемуарных очерков, так и исследования и концептуализации и даже некоторой полемики. Так, Рита Гензелева считает их ценным свидетельством национального возрождения и элементом новой национальной культуры «пробудившихся» советских евреев. Реувен Гомельский, напротив, оценивает связь отказнических пуримшпилей с еврейской традицией как крайне слабую и относит их к советской традиции «КВНа, капустников и студенческой самодеятельности».

Представляется, что пуримшпили как продукт субкультуры лиминальной, находящейся на стыке позднесоветской культуры и традиции иудаизма, черпали из обоих источников, следуя традиционному еврейскому жанру и сюжету и наполняя его, к примеру, музыкальными ремейками в духе КВН¹. Впрочем, и другие формы позднесоветского «(анти)тоталитарного смеха» и иронии, развивавшиеся «снизу» и стремившиеся высмеять иррациональность и абсурд жизни при «развитом социализме», зачастую имели «двойную природу», так как основывались на пародии, то есть заимствовали официальные или общедоступные культурные продукты и помещали их в радикально иной контекст, достигая сатирического и обличительного эффекта [1, р. 1, 3–5]². Таким образом, пуримшпили не были внеположным советской культуре сугубо еврейским феноменом, но широко инкорпорировали популярный массовый контент вполне в духе протестного смеха своего времени, так что противопоставление советского и еврейского на материале пуримшпилей оставим в стороне, как, собственно, и сами пуримшпили, но напоследок упомянем наблюдение Розы Горелик, автора еще одного, мемуарного, очерка о московских пуримшпилях, озаглавленного «Спасительный смех». Горелик рассматривает пуримшпили не просто как досуговую практику, а как важную поведенческую стратегию в ситуации преследований: отказники выбирали веселиться, а не бояться, прибегали к смеху,

---

«Материал подготовлен в рамках выполнения научно-исследовательской работы государственного задания РАНХиГС.

¹ При этом КВН не следует считать оазисом борьбы с режимом, синонимом «оттепельной свободы», а его участников – «почти что диссидентами»; все-таки это был проект, санкционированный, а точнее, запущенный ведомствами идеологического контроля и предлагающий сатиру в определенных рамках, а кроме того, выполняющий другие, пропагандистские, задачи, конструируя положительный образ советской молодежи [2]. Поэтому сравнение пуримшпилей с КВН корректно скорее в плане формата, чем идейного содержания и протестного потенциала.

² Отказническая субкультура соединяла как советскую форму с еврейским содержанием (песенка «А я в Израиль, домой хочу...» на мотив песни Михаила Ножкина «Последний бой»), так и наоборот, кладя на традиционную еврейскую музыку иронические тексты, критикующие советскую действительность, прежде всего, антисемитизм (например, песенка на мелодию «Гевейну шалом алейхем» со словами: «У нас в Советском Союзе / Евреи учатся в вузе, / И демократия такая, / Что даже вход в метро евреям разрешен»).

побеждающему страх [3]. Плохая совместимость смеха и страха и эксплуатация первого ради сокрытия или изживания последнего, конечно, отмечались в разных контекстах³, нам же эта мысль служит отправной точкой для дальнейшего анализа бытования комического в жизни и нарративах отказников – бытования, сопряженного, прежде всего, с центральными для этих нарративов отношениями с властью.

---

³ Например, что карикатура маскирует страх перед высмеиваемым явлением или человеком [4].

1. «Немного подразнить советскую власть»: трикстерские выходки

В разительном отличие от патетического и жалостливого автопортрета отказников, создаваемого в синхронных движению источниках, например, (прежде всего, ранних) письмах во власть или зарубежной общественности: страдающие узники советского режима, всеми помыслами устремленные на историческую родину и проклинающие свою тюрьму, изгнанные с мест работы и учебы, исключенные из привычных социальных сетей, лишённые академического общения и средств к существованию, подвергающиеся антисемитским нападкам, – позднейшие источники, мемуары и интервью рассказывают об интересной и веселой жизни, зачастую противопоставляя ее серой и унылой жизни остальных советских граждан, а главное, отводя в ней себе роль не жертвы государства, а актора, трикстерски дразнящего это государство, подрывающего его нормы и идеалы⁴.

Некоторые авторы с первых же строк подчеркивают, что, несмотря на препоны, чинимые советской властью, жили они весело. Например, воспоминания ленинградских отказников Абы и Иды Таратута так и называются «*Негрустные* воспоминания о нашей семье, жизни в Ленинграде и борьбе за выезд в Израиль». Перечислим ряд таких комических, «негрустных» эпизодов, которые сами авторы характеризуют как «анекдотические», «забавные», «веселые», из нескольких ретроспективных нарративов.

Видный ленинградский отказник Аба Таратута, преподаватель иврита и один из лидеров движения в Ленинграде (проводил в своей квартире математический и юридический семинары, перепечатывал самиздат, помогал заключенным, выходил на демонстрации, общался с иностранцами и распределял полученные из-за границы средства), в своих мемуарах вспоминает, как в 1977 году решил «затеять *игру* (здесь и далее курсив мой. – Г.З.)» и «немного подразнить советскую власть», уволившись из механиков и изображая безработного, но втайне оформившись на работу секретарем у профессора А. Кагана. Его действительно вскоре стали беспокоить из милиции с требованиями устроиться на работу, и он отвечал «беднягам», что работает, но место работы сообщит только в суде [6, с. 44].

Другая комическая история, рассказанная Таратутой, также заключается в одурачивании противника. По требованию органов госбезопасности неожиданно закрылась столовая, где многочисленная компания отказников договорилась праздновать Песах, и предприимчивые активисты, разделившись на небольшие группки, отправились в ресторан гостиницы «Октябрьская», постепенно заняли весь зал и стали сдвигать столы и разносить мацу, то есть все-таки сумели выйти из Египта, обведя вокруг пальца метрдотеля и надзорные органы [6, с. 74–75].

Третий значительный комический эпизод в этой книге – обыск. Рассказчик издевается над глупостью милиционеров, не догадавшихся заглянуть в те места, где как раз находились телефонные книжки со множеством контактов или самиздат. Эта мизансцена не может не напомнить недогадливых жандармов, одураченных на обыске молодым Лениным. Согласно воспоминаниям, автор насмеялся не только ретроспективно, но и *in situ*. Искали «антисоветскую литературу», и в эту категорию

---

⁴ О трикстерах, в том числе еврейского происхождения, в советской литературе и кино как-никак противостоящих циникам, находящимся у власти или иначе заправляющим в советской действительности, см. [5].

попало, например, Пятикнижие 1902 года издания. Таратута «не удержался и спросил: “Неужели антисоветскую литературу начали издавать задолго до появления советской власти?” На что Леванов ответил: «Ну и *шутник*, вы, Аба Яковлевич!»

Это не единственная в отказнических нарративах история про обыск и одурачивание тупых «жандармов». Московский отказник Виталий Свечинский в интервью Юлию Кошаровскому рассказывает, как у видного активиста Давида Драбкина на толстой телефонной книге, потенциально самой ценной находке для оперативников, все время обыска просидел огромный сибирский кот. Оперативники перерыли весь дом, двигали саму телефонную тумбочку, но кот не сошел, и книгу они не нашли. По окончании обыска «Драбкины почувствовали дикий голод, бросились к холодильнику, а там была всего одна котлета... Эту котлету они отдали коту» [7].

Литератор Нина Воронель, жена одного из лидеров московского отказа физика Александра Воронеля, в своих и в целом нескучных и чрезвычайно злоязычных мемуарах «Без прикрас» и «Содом тех лет» рассказывает, как поручила «даровитому бабнику Игорю [Губерману]» в сопровождении двух приятельниц вывести Воронеля из дома, за которым велось наблюдение, неузнанным, переодев его в женщину. По ее словам, друзья «неплохо *повеселились*». Они

напялили на Сашу захваченный ими из дому кудрявый парик и одели его в мое расклешенное летнее пальто цвета заходящего солнца. После усердной работы двух гримерш-любительниц Саша предстал перед ними во всей своей девичьей красе — пальто сидело на нем неплохо, накрашенные губы улыбались похабной улыбкой в пандан сильно подведенным глазам. Единственную проблему представляли торчащие из-под пальто большие волосатые ноги, обутые в грубые башмаки сорок третьего размера, так как подходящих для него туфель на каблуках ни у кого не нашлось, равно как и колготок. Игорь повертел его туда-сюда, осмотрел критическим глазом и припечатал: «Старик, с такой я не пошел бы даже в мои голодные двадцать!» Поразмыслив, военный совет отменил маскарад, и подружки отправились по домам, оставив Сашу и Игоря *веселиться* дальше. Оказавшись предоставленными самим себе, эти двое окончательно *впали в детство* и задумали провести в жизнь план Тома Сойера по спасению Геккельбери Финна. Подкоп они, правда, рыть не стали — на третьем этаже многоэтажного дома это было бы не совсем сподручно. Но зато они почти осуществили романтическую идею бегства из окна на связанных простынях. Простыни они связали так прочно, что развязать их потом обратно мне не удалось — пришлось так и выбросить их связанными [8, с. 380–381].

Помимо «веселья» другая частая у Воронель характеристика взаимодействия с органами — *игра*, в том числе игра «в кошки-мышки» [8, с. 385 и далее]; эту метафору она использует неоднократно на протяжении десятков страниц и подчеркивает, что отказники получали удовольствие от игры.

Московский отказник математик Александр Иоффе рассказывает в интервью, как позволил себе «хулиганство» и «*мальчишество*», уйдя от слежки в метро: заметив слежку, он вышел из вагона, а перед закрытием дверей впрыгнул обратно. Упоминает он и «*шутовской* суд над [Иосифом] Бегуном в сауне на Красной Пресне» [9]⁵. Как

---

⁵ Формат шутейного, или постановочного, суда придумали, разумеется, не сами отказники. Можно вспомнить хотя бы суды над разными элементами культа в ходе советских атеистических кампаний или суды над персонажами русской классической литературы в советской России и в эмигрантской среде в 1920–1930-х гг. [10]. Но и в контексте борьбы советских евреев за эмиграцию этот формат

видно, отношения с властью высмеивались не только в пуримшпилях – были и другие перформансы, непосредственно обыгрывавшие современные реалии.

Один из самых известных отказников, московский еврейский активист и правозащитник Анатолий Щаранский, не понаслышке знакомый с органами внутренних дел и госбезопасности – он пережил слежку, арест, суд и восьмилетнее заключение в тюрьме и колонии строгого режима, – в воспоминаниях рассуждает о «юморе и иронии» как основном принципе взаимодействия с органами:

Я чувствовал, что вновь могу смотреть на КГБ «со стороны», не подпуская их к себе. Необходимое условие для этого – не воспринимать их уж очень серьезно, сохранять способность *смеяться* над абсурдностью их поведения и претензией на абсолютную власть над умами людей в этом мире.

Юмор и ирония давно стали моим оружием в удержании КГБ «на дистанции». Ведь эта организация в действительности может быть прекрасной мишенью для *насмешек* из-за своего двусмысленного положения. КГБ в повседневной жизни как бы не присутствует, должен постоянно скрывать или, во всяком случае, преуменьшать свою роль. В то же время такие советские «столпы власти», как милиция, суды, прокуратура, Верховный Совет – всего лишь фикции, чье влияние при соприкосновении с КГБ существует лишь на бумаге. На уровне «хвостов» это выражалось в том, что их приказу подчинялся милиционер любого ранга, правил уличного движения для их машин просто не существовало, и в то же время... они сами тоже вроде бы не существовали, что и создавало немало *комических* ситуаций.

Еще одна причина для *смеха* – противоречие между «благородными» целями КГБ и ничтожеством исполнителей [12].

Другой московский активист, отказник и «узник Сиона», преподаватель иврита Юлий Эдельштейн вспоминает смешной эпизод, как «*умничал*» и «издевался» над следователем на допросе:

Следователь [...] дает мне первый лист протокола допроса – стандартную анкету: там все биографические данные и вопрос, на каком языке желаете давать показания следствию. Все уже отпечатано и заполнено типографским способом. Он просит расписаться на титульном листке, а я говорю, что в листе есть ошибка. «Всё проверил, ошибки нет!». Я говорю: «Вот у вас записано, что я по национальности еврей, а в вопросе, на каком языке я желаю давать показания, написано – русский. Это ошибка. Я хочу давать показания по-еврейски». Он, видимо, сразу не понял: «Но вы же умеете по-русски разговаривать». – «Да, – говорю, – умею, и по-английски и по-французски умею. Вы же мне задали конкретный вопрос, на каком языке я желаю давать показания следствию. Я собираюсь говорить только правду – я хочу давать показания на иврите, это правда». Он разозлился, зачеркнул «русский», написал «иврит» и велел мне идти [13].

встречается не единожды, упомянем шутейный суд (mock trial) в поддержку того же Иосифа Бегуна, «поднимающий вопросы права на эмиграцию, права на национальную культуру и права на свободу вероисповедания, согласно советской конституции»; суд был устроен в 1984 году американской организацией «Борьба студентов за советское еврейство» (SSSJ) в Пенсильванском университете. См. афишу этого мероприятия в фонде «Борьбы студентов за советское еврейство» в цифровом архиве Йешива-университета (<http://dcmny.org/islandora/object/yeshiva%3A54>). За год до того в рамках той же борьбы американского еврейства за права своих советских соплеменников прошел шутейный суд над советским правительством [11].

Михаил Членов тоже со смехом упоминает «забавную» беседу с сотрудником КГБ и пересказывает допрос, на котором применял разработанную правозащитником Владимиром Альбрехтом систему поведения при обыске и на допросе⁶, в частности, требовал, чтобы вопросы и ответы излагались письменно, и длинными уточнениями выводил следователя из себя [14].

В том же интервью Членов мельком излагает еще один комический эпизод взаимодействия с властями, подробнее изложенный в интервью других его участников. Во время майского песенного конкурса, проводимого отказническим сообществом на поляне в лесу подле станции Овражки Казанской железной дороги, оперативники специально вызвали

трактор и заставили мужика пахать поле. Мужик ничего не понял, но его заставили, и он пахал. Но день-то выходной, он по-ударному все вспахал и хотел уехать. А гэбэшники ему – «Давай еще раз». Мужик просто опешил! Он сам нам это рассказывал. Им нужно было, чтобы он создавал шум. Но он и по второму разу быстро сделал – домой хотел. Тогда они ему сказали, чтобы он оставил трактор включенным, а сам уходил. «Как же, – говорит мужик, – так и трактор повредить недолго». А они ему – не твоя, мол, забота, если что – оплатим. За что Боря Чернобыльский пятнадцать суток тогда получил? За то, что подошел к трактору и заглушил мотор, а они написали, что он там напал на кого-то... [15]

Такого рода эпизоды некоторые рассказчики считают достойными кинематографа. Евгений Ключнер рассказывает о засаде, устроенной оперативниками совместно с дружинниками, как об эпизоде, по которому «можно было поставить фильм-комедию» [16]. Другие сравнивают устраиваемые властями действия с комическими театральными постановками. Давид Мааян, рассказывая о ленинградском процессе, говорит: «Советский суд, особенно показательный – это, прежде всего, *спектакль*. В моей памяти он сохранился как большое и *веселое* представление» [17].

Как правило, имеется в виду, что власти сами все свои интеракции с отказниками «проваливали» и превращали в комедию, но иногда инициаторами подобных «комедий» выступали сами отказники. Юрий Тувим в своих отказно-отъездных мемуарах «История моего отъезда» рассказывает, как в ответ на просьбу о характеристике для ОВИР его исключили из профсоюза, после чего «мы с Меликом Агурским сочинили заявление в ЦК КПСС. Там мы написали, что в то время, как Советское правительство прилагает все усилия к защите прав человека, некоторые несознательные бюрократы нарушают эти права, тем самым подрывая усилия нашей партии и правительства и способствуя реакционным кругам в Конгрессе США голосовать против отмены резолюции Джексона-Ванника, которая связывала соблюдение прав человека в СССР с предоставлением Союзу статуса наибольшей предпочтительности в торговле. Отославши эту *ехидную* бумагу, я забыл о ней в суматохе дел, но через пару недель почта доставила приглашение на беседу с инструктором МК партии тов. Смирновой (или Сидоровой?)». Свой визит в МК Тувим расписывает в самых триумфальных красках. Ожидая товарища Сидорову, он зашел в соседний отдел наглядной агитации и пропаганды, где занялся тем, что точно укладывается в рамки современного понятия троллинг:

- Я вас слушаю, – сказал Завотделом.
- Вы знаете ресторан Софья на площади Маяковского?

---

⁶ Система ПЛОД (протокол, личное, отношение к делу, допустимость).

- Конечно.
- А не обращали ли внимания, что там установлено на крыше?
- Не припоминаю.
- Там лозунг «ПРЕВРАТИМ МОСКВУ В ОБРАЗЦОВЫЙ КОММУНИСТИЧЕСКИЙ ГОРОД!»
- Да, да... Конечно... И что?
- А то, что это и есть проблема...
- Простите, но я Вас не понимаю. В чем проблема?
- В лозунге. Этот лозунг способствует злопыхательству. Народ позволяет себе нездоровые шутки. Всякие, там, высказывания антисоветского характера... Посудите сами: «образцовый коммунистический город». Значит, могут быть коммунистические, но не образцовые города? Так сказать, коммунистические города разных рангов образцовости? С разными категориями снабжения... Вы, наверно, знаете, что у нас сейчас в овощных магазинах картошка совсем гнилая? Еще не достигли образцовости, но уже в коммунистичности? Или образцовость имеется, но коммунистичность еще впереди? Я думаю, лозунг не соответствует текущему моменту. Рано еще...

Завотделом глядел на меня с *полуоткрытым ртом* и молчал.

Тот же полуоткрытый рот он затем наблюдает у товарища Сидоровой, которую также ошарашивает своей напористостью. Можно, разумеется, сомневаться в точности изложения событий, но мы пока рассматриваем нарративы, а не реальность, и в этих нарративах раз за разом эпизоды взаимодействия с властями становятся источником самоутверждения через осмеяние противника. Благодаря этому они представляют повествовательную ценность сами по себе, без обязательной связи с еврейским движением или борьбой за выезд, как в случае с беседой про лозунг на ресторане «София». Так, следующим в мемуарах Тувима идет рассказ о другой его попытке коммуникации с властями, последовавшей за направленной им в отдел народного контроля при ЦК жалобой на состояние автодороги – жалобой, которую он, по собственному признанию, «писал и *веселился*» [18].

Видный московский активист и преподаватель иврита Иосиф Бегун в своем интервью Ю. Кошаровскому приводит два «*забавных*» момента: как активисты повесили на березу израильский флаг, а «мент» лазил снимать его, и как секретарша судьи, к которому они приходили, чтобы подать иск о защите чести и достоинства после фильма «Скупщики душ», назвала своего начальника «уголовником» (т. е. судьей по уголовным делам), что отказников «*сильно позабавило*» [19]. Другой плодовитый петиционер, ленинградско-кишиневский отказник Арон Мунблит злорадствует над проколом милиции, обвинившей его на телеграфе в передаче секретных сведений за границу на английском, в то время как он говорил на иврите [20].

Минский отказник Эрнст Левин начинает свой «документальный мемуар» о борьбе за выезд «И посох ваш в руке вашей» с того, как однажды благодаря ему трем евреям чрезвычайно ловко удалось уйти от слежки и как потом еще 24 года он хвастался тем, что «одурачил» КГБ [21]. Другой «игровой» момент – переправка за границу документов, в том числе многочисленных писем во власть (об этом жанре речь пойдет ниже). Левин называет перевозку в поезде «конспиративной ксивы» (двумя способами: «тамбурным» и «сигаретным») «детективным элементом нашего быта», «увлекательной *игрой*» – для него, как и «для большинства мужчин, до старости остающихся *мальчишками*». Впрочем, сравнивая свои хитрости с рассказами о вывозе золота и бриллиантов богатыми евреями с Кавказа и из Средней Азии, запекавшими драгоценности в лепешки, Левин признает, что только мальчишкам эти

невинные шалости и подходили: «Сейчас смешно вспоминать эти *детские игры*: ну какие у нас могли быть "криминальные" секреты!» [22]

Восприятие Левиным его взаимоотношений с властью как игры подкрепляется неоднократным употреблением шахматной метафоры. После очередного отказа он «как-то странно растерялся. [...] как шахматист, внезапно попавший в безвыходную ситуацию и не желающий признать поражения, я просто тупо смотрел на доску, ничего не видя и не имея понятия, что делать дальше. Я стал "двигать фигуры" инстинктивно, не обдумывая последствий. Прямо из МВД я поехал на работу и подал заявление об увольнении по собственному желанию (пожертвовал ладью?)» [23]. Под конец, перед отъездом, он говорит относительно дружественному сотруднику органов: «...Мы ведь с вами вроде как противники... Не враги, – подчёркиваю, – а противники: ну вот, как в шахматах!» [22].

Вышеизложенные эпизоды – это, пожалуй, основные комические эпизоды в упомянутых письменных и устных воспоминаниях о жизни в отъезде и еврейском движении. Обзор, конечно, не полный – похожие сюжеты обнаруживаются и в других воспоминаниях, – но достаточный, чтобы заключить, что авторы подобных воспоминаний, как правило, артикулируют комический аспект своей жизни в те годы и связывают его преимущественно с противостоянием властям. Это противостояние – важный, даже центральный элемент отказнического нарратива. Структуру этого нарратива – как и множества других нарративов, начиная с волшебной сказки, – можно описать следующим образом: (1) обнаружение «недостачи» (пробуждение желания «воссоединиться со своим народом на его исторической родине» или иметь национальную культуру в месте проживания); (2) борьба с противником, препятствующим герою; (3) обретение искомого.

Как правило, в отказническом нарративе есть еще «положительное» содержание: личностная эволюция, развитие движения, изучение иврита, распространение самиздата и т. д., – но эти темы излагаются серьезно, с уважением к себе и к делу; в этих сегментах обычно нет иронии или сарказма – в отличие от описаний интеракций с органами – и в то же время они не являются обязательным элементом рассказа – в отличие от последних: без конфликта с советской властью не может быть отказнического нарратива, а без иврита и самиздата – может.

Сатира в отказническом нарративе существует в рамках второго его сегмента – борьбы с противником – и направлена преимущественно на органы внутренних дел и госбезопасности, которые удерживали в Союзе стремящихся на историческую родину (вредность), мстили им за желание уехать (низость), вымогали деньги за образование и прочее (жадность), следили за ними и фабриковали неуклюжие обвинения против них (тупость и жестокость). Обычное распределение характеристик в конфликте с противником таково: *мы* – слабые, но умные, изобретательные, смелые, *они* – сильные, но «тупые» (частый эпитет), недогадливые и косные, действующие по инструкции, а также трусливые. Поэтому их сила не дает им преимущества, и они проигрывают. Соответственно, основной интонацией в описании конфликта с властями оказывается глумление.

У этой агональной ситуации, включающей состязательность (кто победит, кто кого обманет и в то же время кто по-настоящему прав), оттенок игры и даже сакральность (борьба велась за высшие ценности: свобода, родина, народ и т. п.)⁷, как и в случае с полигенезом пуримшпилей, есть и еврейские прототипы, например Давид

---

⁷ Об *агоне* и агональности в расширенном понимании см. [24].

и Голиаф, и советские: «пламенные революционеры» и жандармы; в обоих случаях ум противопоставлен силе. Примечательно, что в одном из интервью этот источник – или параллель – упоминается, хотя и отвергается: «но это [Машка⁸], – утверждает Михаил Членов, – было не глупое демонстративное подполье *мальчишек*, начитавшихся книжек про большевистское подполье в 1917 году» [14].

Про «мальчишеское» поведение заходит речь не только здесь, но и в других интервью и воспоминаниях (Александра Йоффе, Александра Воронеля, Эрнста Левина и др.). Это сравнение можно считать простой самоиронией, но в то же время оно отсылает нас к важной теме отказнической маскулинности. В конфликтах с органами и непосредственном (в контакте с ними) или опосредованном (в позднейших рассказах) их осмеянии происходит утверждение маскулинности еврей-интеллигентов – маскулинности, разумеется, логоцентричной (ум и слово против силы)⁹.

Еще одно слово, часто характеризующее взаимодействие с властями, – это «игра». Как и сравнение с мальчишескими забавами, оно снижает градус серьезности происходящего конфликта: это не смертный бой Давида с Голиафом, а добровольное – не неизбежное – противостояние трикстера инертной массе и тупой силе, естественный источник комического.

Необходимо подчеркнуть, что все упомянутые на данный момент рассказы – это продукты ретроспективного взгляда на события 1960–1980-х гг. из 1990–2000-х гг., когда было уже известно о конечном поражении советской власти и победе бросивших ей вызов отказников. Можно предположить, что исходно образ власти в глазах еврейских активистов мог быть более грозным, менее комичным, а самообраз – более скромным, менее молодецким. Обратившись к основным группам синхронных источников – всякого рода открытым письмам и самиздату, – мы обнаружим преобладающую там серьезность, но в части взаимоотношений с властью – тот же иронический, или саркастический, нарратив интеллектуального превосходства.

---

⁸ Акроним слов *моадон ле-штия кабира*, «клуб для крепкой выпивки» – шутейное название группы московских отказников, существовавшей в 1982–1989 гг. и считавшей себя координационным советом движения.

⁹ Тема, требующая отдельного анализа и отчасти рассмотренная мною в докладе «“И в кибитках снегами...”: верные жены и хрупкая маскулинность в еврейском национальном движении, 1960–1980-е гг.», представленном на XXVI ежегодной международной конференции по иудаике (Москва, Центр «Сэфер», 14–16 июля 2019 г.).

2. «Не могут удовлетворительно ответить на обоснованные претензии»: нарратив интеллектуального превосходства

В письмах во власть – в отечественные инстанции и зарубежные организации, – которые отказники с конца 1960-х по конец 1980-х гг. сочиняли в большом количестве, есть обязательное содержание, назовем его канон: констатация своего желания выехать и права на выезд; констатация отказа в выезде, то есть нарушения этого права; требование или просьба дать возможность воспользоваться этим правом, – и есть вариативные добавления, назовем их (вслед за Джеймсом Кугелем, который, правда, говорил о совершенно других текстах – талмудических, но допустим – с меньшим, конечно, основанием, чем в случае с пуримшипиями – преемственность в еврейской словесности) «нарративными расширениями»: о семейном или личном прошлом, боевых или трудовых заслугах, семейном положении, эмоциональном состоянии, экономических трудностях, здоровье и т. д.

Преимущественно на раннем этапе движения отказников, до возникновения собственно движения – регулярно сообщаемой группы людей, координирующих свои действия, пишущих коллективные письма и предпринимающих другие совместные шаги, – но иногда и позже, подобные нарративные расширения состоят из жалоб «простых», «обычных» людей, того, что Майкл Векс назвал бы *кветчем* [25]. Они жалуются на тесную жилплощадь, болезни, антисемитизм, отсутствие работы и прочие проблемы, решением которых мог бы стать отъезд. Но и в жалостливом нарративе «простого» человека, кажется, появляется ирония, а эта «простота» и «жалкость», соответственно, становятся маской или приемом. Так, например, Гитля Монастырская в 1973 году в письме постоянному представителю Израиля в ООН напирает на то, что она – человек самый обыкновенный, и сложившаяся ситуация – запрет выезда – недоступна ее пониманию: я «простая еврейская женщина», «умею только вести свой убогий дом», «мы, простые люди, пишем письма большим людям...», я, «простая еврейская мать», «не понимаю, что такое режимные соображения, но понимаю, когда надо мной издеваются», «мне не дано понять, для меня это слишком сложно. Я всю свою жизнь слышала, что евреев в России слишком много. Так много, что из-за них уже русским людям просто нет жизни. Так почему же именно теперь мы стали им так нужны?» [26].

В иных письмах, преимущественно в письмах опытных отказников-активистов на зрелом этапе развития движения, *argumentum ad misericordiam* сменяется на *argumentum ad iudicium*, который, впрочем, зачастую представляется не аргументом, призванным убедить адресата, а вполне бескорыстным нарциссизмом. Теперь нарративные расширения не бьют на жалость, а демонстрируют эрудицию, логику и прочие интеллектуальные достоинства авторов, иногда прямо противопоставленные интеллектуальным недостаткам их противников в органах внутренних дел. Пользуясь выражением Ю. Эдельштейна, назовем это умничаньем.

Рижанин Гирш Фейгин начинает письмо в президиум Верховного Совета СССР эпиграфом из Пушкина: «Гордиться славою своих предков не только можно, но и должно...». «Самолетчики» предпосылают своему обращению эпиграф из Захарии 2:10-11: «Бегите из северной страны. Спасайся, дочь Сиона, обитающая в Вавилоне» [27, с. 253, 254]. Д. Колядицкая спрашивает у Н.В. Подгорного: «Чем же обусловлено применение в моем деле принципа, который в законах Российской Империи выражен словами: “С заграничными Азиятцами, женившимися на Российских подданных

Евангелического исповедания, при выезде их из России в свое отечество, жены их и дети не должны быть отпускаемы”, несмотря на то, что иудейского исповедания, несмотря на то, что Российской Империи уже не существует?», а затем сокрушается, что «[муж] бессилён исполнить безусловное требование еврейского закона “Если жена взята в плен, муж обязан выкупить...”” (Талмуд, *Кетубот*, л. 51)» [27, с. 181]. Минский отказник Эрнст Левин, разжалованный из прораба в простые инженеры в результате подачи заявления на выезд, апеллирует к П. Машерову, первому секретарю КП БССР, и к Л.И. Брежневу, осуждая политику своего руководства как логически несостоятельную:

по логике действий [...] руководства, одно желание ступить на «чужую землю» превращает меня в идейного врага. Миллиарды жителей капиталистических стран – это все враги?! Ведь, следуя такой логике, недолго поставить на одну доску Шиллера и Гиммлера, [...] Голду Меир и Меира Вильнера – «идейного врага», которому пожимал руку Леонид Ильич Брежнев...¹⁰

Возмущаясь очередным отказом по причине секретной работы брата, Левин критикует подход ОВИР как «поверхностный и предвзятый»: «принять такой аргумент может лишь человек начисто лишенный способности критически мыслить и принимающий видимое “очевидное” вращение Солнца вокруг Земли за непреложную истину»¹¹.

Инесса Рубина-Аксельрод в письме к Брежневу с жалобой на МВД за трехлетние отказы в выезде также подчеркивают логику своего запроса и неудовлетворительные с точки зрения логики реакции МВД («свое логически аргументированное письмо», «логично обратиться именно к вам», «они не могут удовлетворительно ответить на обоснованные претензии») [28].

Утверждение своего интеллектуального превосходства и(ли) интеллектуальной ограниченности противника часто встречается в письмах четы Рубиных. Так, Виталий Рубин в письме сестре Марии в Израиль рассказывает: «“они” прослушивали, но плохо расслышали», «самым позорным образом они сели в галошу со всей своей техникой» [29]. В другом письме он описывает разговор активистов движения с Альбертом Ивановым в ЦК теми же словами: «...после того, как своими вопросами мы неоднократно сажали его в галошу, он совсем скис и погрузился» [30].

Интеллектуальное превосходство зачастую вполне объективно и биографически обусловлено; нередко отказники считают нужным это подчеркнуть. Например, в своих жалобах на незаконное задержание Виталия Рубина сам Рубин и его жена Инесса Аксельрод упоминают его высокий научный статус. «Мой муж, ученый с мировым именем», – сообщает прокурору Инесса Моисеевна, – занимает должность «научного сотрудника, временно работающего за границей» в Еврейском университете в Иерусалиме, а его монография готовится к печати в Колумбийском университете¹². Сам Рубин уточняет: «Для Вашего сведения добавлю, что Колумбийский университет – крупнейший мировой центр в области китаеведения, и

¹⁰ Письмо Э. Левина Л. Брежневу и П. Машерову. 1 июля 1971 г. [Archiv der FSO. F. 30.45. P. 11]

¹¹ Письмо Э. Левина министру внутренних дел БССР А. Климовскому. 22 декабря 1971 г. [Archiv der FSO. F. 30.45. P. 65].

¹² Жалоба прокурору Краснопресненского района от Аксельрод И.М. Июль 1974 г. [Archiv der FSO. F. 01-073. N. pag.].

желание этого университета издать мою книгу для меня крайне почетно и свидетельствует о научном уровне этой книги»¹³.

Трудно отделимы от простого умничанья ирония и сарказм, сквозящие в подобных пассажах. Давид Драбкин в письме Косыгину сравнивает удержание его семьи на территории СССР с крепостным правом: «Раньше могли выкупить крепостного, а сейчас даже этого мы лишены», – и продолжает: «Мы желаем понять, на основании каких соображений в СССР не разрешают выезд евреев. Для нас очевидно, что деревья, выросшие на Советской территории, принадлежат Советскому государству. Но мы не дары русской природы. Нас родили и вырастили наши еврейские родители, а не Русская земля. Нам не известен какой-либо правовой акт, по которому евреи, проживающие на территории СССР, были переданы в собственность каких-либо людей или организаций» [27, с. 33]. Ленинградский отказник Григорий Вертлиб также использует *argumentum ad historiam*, заодно подвергая сомнению правильность текущей формации: «Так что же: мы рабы или крепостные? Насколько мне известно, в Советском Союзе не рабовладельческий и не феодальный строй. Или вы, Леонид Ильич Брежнев, Алексей Николаевич Косыгин, Николай Викторович Подгорный, не согласны с этим моим утверждением?» [27, с. 212].

Такого же рода ирония сквозит и в других письмах. «Ни я, ни моя жена и по всей вероятности мой трехлетний сын никакого отношения к режимной работе не имеем» [31, с. 91]. «По своему образованию, квалификации, склонностям я могу иметь такое же отношение к государственной безопасности, как мой сын 4.5 лет к советско-китайским отношениям» [32, с. 68]. «Под смехотворным предлогом о секретности моей жены, которая является профессиональным филологом и специалистом по теме “Русские народные свадебные присказки и причитания”, я получаю [...] отказы» [31, с. 40].

Временами творческая фантазия авторов писем, направленная на полемику с властью, порождала более развернутые сюжеты. Видный минский отказник полковник Ефим Давидович, полагая, что органы готовят большой минский процесс с ним самим в роли главного фигуранта, писал Брежневу:

В больных мозгах организаторов этой «операции», по-видимому, сложилось впечатление, что я готовил крупнейшие террористические акты: убийство всех спортсменов БССР, поджоги всех домов престарелых в городе, закладк[у] водородных бомб на Комаровском рынке, физическ[ую] расправ[у] с председателем горсовета и предоставление его должности Бен-Гуриону [...] я готовлю расширение израильских границ от Нила до Евфрата, присоединение Белоруссии к Израилю и выполнение заданий сионских мудрецов ... - установление еврейского господства над всем миром. Все это не столь смешно, сколь печально и грустно¹⁴.

Его младший соратник Левин, следуя той же методе *ad absurdum*, призывал создать Общество дружбы СССР – Израиль и включить минских отказников в число его членов, обещая, что это будет способствовать улучшению отношений между государствами и народами и миру во всем мире¹⁵. То, что это было, если прибегнуть к анахронизму, троллингом, следует из его позднейших воспоминаний, где он

---

¹³ Письмо В. Рубина прокурору Бауманского района. 20 октября 1974 г. [Archiv der FSO. F. 01-073. N. pag.]

¹⁴ Открытое письмо Ефима Давидовича Л.И. Брежневу. 19 декабря 1972 г. [Archiv der FSO. F. 30.45. P. 195–196].

¹⁵ Коллективное обращение в Союз советских обществ дружбы и культурных связей с другими странами. Копия. Б/д. [Archiv der FSO. F. 30.45. P. 120].

признает, что «позволил себе *порезвиться* и сочинил довольно *юмористическое* письмецо», которое должно было дойти к адресату 1 апреля: «весь Советский Союз мог бы считать это письмо первоапрельской шуткой в свой адрес, хотя даже из подписавшихся многие не заметили в нём ни малейшей иронии!»

3. Риторика впечатления

Если ожидать, что письма отказников во власть писались для достижения заявленной в них цели – убедить адресата выпустить автора, нельзя не задаться вопросом об уместности в них иронических пассажей. Хотя можно найти случаи, когда ирония или юмор при обращении в органы власти положительно впечатляли адресата и давали искомый результат, все же этот язык никак нельзя назвать эффективным средством общения с государственной бюрократией.

Но здесь следует уточнить, что система адресации и режим функционирования отказнических писем были устроены сложнее. Письма были открытые, посылались нескольким адресатам сразу, зачастую отечественным и зарубежным одновременно, или же их копии передавались иностранным журналистам или пересылались за границу для обнародования там. Эту публичность часть активистов считали опасной, но большинство полагали ее эффективной в деле борьбы за выезд и неустанно добивались огласки.

Анализируя практику написания открытых писем в писательской и, шире, интеллигентской среде, Ольга Розенблюм называет первым и образцовым открытым письмом письмо Лидии Корнеевны Чуковской Михаилу Александровичу Шолохову от 25 мая 1966 года. Это письмо, в отличие от многих других писем в поддержку А. Синявского и Ю. Даниэля, собранных в Белой книге, не было письмом-петицией во властные инстанции, не было оно и личным письмом Шолохову (оно называется «Письмо Шолохову», но Шолохов не указан среди адресатов). Оно было адресовано в газеты (а по сути рассчитано на распространение через сам- и тамиздат) и предназначено литераторам и интеллигенции. Содержательно оно отказывалось от «риторики убеждения», свойственной письмам-петициям, призванным, прежде всего, убедить адресата, в пользу риторики обличения и размежевания [33].

У отказнических писем в инстанции с их множественностью адресатов тоже умножаются цели: прямая цель убедить в своей правоте советские органы власти соседствует, а скорее, заменяется косвенной, которая становится главной: впечатлить иностранную прессу, политиков, публику (подразумевается, что убеждать ее не нужно: в правоте – праве на эмиграцию – она убеждена изначально) и вынудить их поддержать себя. И умничанье, и сатира, очевидно, считались не последними средствами для того, чтобы произвести впечатление.

К примеру, цитировавшиеся выше письма Рубиной и Рубина с элементами ехидства были опубликованы в израильской русскоязычной газете «Наша страна». А другой московский активист Александр Лунц вспоминает, как они с Виктором Браиловским «написали *саркастическое* письмо в какую-то советскую газету о том, что в Советском Союзе не только на иврите ничего нельзя изучать, но и на идише тоже. В одну из суббот собрали три десятка подписей и послали. Потом это письмо передавалось по израильскому радио» [34].

Эрнст Левин в своем «документальном мемуаре» приводит заботливо сохраненные тексты многих своих обращений в разные инстанции и поясняет, зачем он их написал и почему именно в такой форме, и мотивация оказывается устроена гораздо сложнее, чем убеждение прямого адресата. Например:

Написал там второе письмо [...] Конечно, никогда в жизни Машеров меня не примет, но всем «заинтересованным лицам» из МВД, КГБ и КПБ наверняка станет известно: «Ну и заядлый этот Левин! И пишет гладко, собака! И порядка не нарушает, и вроде не боится» [...] Если и не отпустят ко всем чертям, чтоб других не баламутил,

то, может быть, хотя бы перестанут поручать беседы со мной дуракам. Уже хорошо [23].

Или:

Конечно, Подгорный письма этого не увидит: как все предыдущие и последующие, оно попадет в МВД БССР, но послать его все-таки нужно, хотя бы по следующим соображениям:

1. Возможно, оно пойдет через старательного чиновника, и он наложит резолюцию: «разберитесь и сообщите». Не ответишь ведь ему: «Нам Ленинград не разрешает-с». – А сами вы что, дети? Значит, опять переписка, надоевшая и Минску, и Ленинграду.

2. Григорьев письмо, конечно, прочитает; возможно, что мои аргументы ему сгодятся: они ведь неглупые, а победить в споре ему наверно хочется (*спортивный интерес-то должен быть!*)

3. Каждое новое письмо удлинит список моих мытарств и усилий вырваться, а чем он длиннее, тем *большее сочувствие вызовет на Западе и скорее склонит какого-нибудь президента или премьера проявить гуманность и поддержку*. Ну, и общественность тоже...

В общем, завтра я отправил копию этого письма с уезжающими в Израиль, а оригинал взял с собой и поехал в Москву [35].

Левин открыто признает, что очередное письмо Подгорному как таковое неэффективно и что он собирается использовать его не по прямому назначению. Расширенный функционал письма включает и игру («спортивный интерес»), и впечатление западной публики («сочувствие на Западе»). Очевидно, не любая зарубежная общественность была способна оценить остроумие отказников – иногда для этого требовалось знание реалий, иногда – русского языка, и действительно, каналами их публикации становились преимущественно русскоязычные израильские СМИ. Но был и еще один читатель у этих писем, чья оценка имела первостепенное значение, – сам автор. Заметно, что Левин получает удовольствие от своего творчества, от того, что письма получаются остроумными и элегантными («пишет гладко, собака!»), и в этом чувстве законного удовлетворения он не одинок. Очевидно, что, по крайней мере, для ряда отказников, тех, что писали десятки писем, специально для этой цели покупали печатные машинки, обдумывали логически безупречные аргументы и ядовитые шутки, потом увозили копии писем в эмиграцию и продолжали хранить их в своих архивах, эта деятельность стала как будто самоценной, а не сугубо утилитарно связанной с выездом. Например, письмо Левина с предложением создать Общество дружбы СССР – Израиль не могло ни убедить советские органы, ни впечатлить зарубежную публику, которой оно, возможно, и не было переправлено. Такое письмо, написанное, чтобы «порезвиться» в качестве «первоапрельской шутки», адресованной «всему Советскому Союзу», следует рассматривать уже не как средство в борьбе за выезд, а как перформанс и искать не столько его адресатов, сколько публику. Среди отказников было распространено ощущение себя творцами истории, деятелями ее поворотного момента – возрождения еврейской нации на одной шестой части суши, и отчасти этим видением своей исторической миссии можно объяснить хранение копий и создание архивов. И тогда третьей группой адресатов, а точнее, публикой этого эпистолярного перформанса оказываются потомки и исследователи.

4. «Оружие слабых»

Мы предположили, что отказнические письма во власть были ориентированы на разных читателей: на прямых адресатов – советских государственных деятелей, на западную публику и политических лидеров, на себе подобных - и на ретроспективное прочтение – потомками, исследователями или судьями международного суда, рассматривающего преступления советского режима (такие фантазии-угрозы встречаются в ряде писем Брежневу и др.). Остановимся на отношениях авторов с непосредственными адресатами их писем и вновь зададимся вопросом о функции иронии, сарказма, нарратива интеллектуального превосходства в рамках этих отношений. Казалось бы, *кветч*, жалобы были бы и более приемлемы, и более эффективны. Но как мы уже видели, логика эффективности, по крайней мере, линейной эффективности, здесь не всегда работает. Какой же еще эффект могла давать ирония и риторика интеллектуального превосходства? Представляется, что прагматика этой риторики оптимально объясняется в терминах «символического сопротивления» и «оружия слабых», предложенных антропологом Джеймсом Скоттом, исследовавшим «неприметные техники» [36, р. xvi] сопротивления у крестьян Юго-Восточной Азии: саботаж и диффамацию богатых. Рассеянное по сельской местности, неорганизованное крестьянство, не имея возможности прибегнуть к сопротивлению действием – бунту, практиковало подобное символическое сопротивление. Нам особенно важен вывод Скотта о том, что крестьянское сопротивление мотивировано не только бедностью и имущественным расслоением и, соответственно, пытается не исправить эту несправедливость, хотя видится именно так, а добиться более глубоких, иногда не проговариваемых вещей, прежде всего, самоуважения:

Символическое сопротивление бедных жителей деревни столь же важно тем, что оно отвергает, как и тем, что оно утверждает. Отвергает оно почти полностью те характеристики, которые богатые приписывают сами себе и своим поступкам. А прежде всего, символическое сопротивление бедных отвергает категории, которые богатые пытаются на них наложить.

[...]

Когда бедные говорят между собой, они гораздо больше подчеркивают утерю статуса и признания, чем собственно сокращение дохода. Как иначе мы должны понимать многочисленные высказывания об унижении безделием в пору уборки урожая, в которую ранее они всегда выходили на работу? Как иначе мы должны понимать горькие жалобы на то, что их не пригласили на кендури, что с ними не поздоровались на деревенской дороге, что их даже не замечают, что с ними обращаются грубо и «отталкивают» (толак тепи)? Потеря простого человеческого отношения к себе, на которое, по их собственным ощущениям, они имеют полное право, по меньшей мере столь же возмущает, сколь и падение семейных доходов. [...]

[Крестьяне негодуют] по поводу утери значительной части своего общественного признания и культурного статуса, которые определяют полноправное членство в деревенском сообществе, [...] и отказываются принимать видение ситуации, навязанное сверху, и мириться со своей социальной и ритуальной маргинализацией [36, р. 236, 239, 240].

И в следующей своей книге «Господство и искусства сопротивления. Скрытые протоколы» (1990) Скотт продолжает полемику с экономическим детерминизмом:

Я придаю большое значение вопросам достоинства и автономии, которые, как правило, считаются вторичными по отношению к материальной эксплуатации. Рабство, зависимость, кастовая система, колониализм и расизм неизменно порождают практики и ритуалы принижения, оскорбления и физического насилия, которые занимают столь важное место в скрытых протоколах жертв. [...] Даже в случае с современным рабочим классом представляется, что пренебрежение достоинством рабочих и строгий контроль за их работой играют в рассказах об эксплуатации не меньшую роль, чем озабоченность условиями труда или компенсациями. [37, р. xi-xii]

Сходные наблюдения о косвенном сопротивлении подавлению через диффамацию и юмор делались и на другом материале. Например, «остро политические частушки» деревенских жительниц в Советском Союзе и постсоветской России анализируются как способ «бросить вызов установленным иерархиям, нормам и запретам», «чувствовать себя сплоченной группой, находящейся в оппозиции властям», «потягаться с могущественным советским правительством» – вопреки страху, униженности, бесправию и бессилию этих женщин [38, р. 163–179, 221; 39, с. 228–229; 40, р. 305].

Представляется, что и многими еврейскими активистами отказ ощущался не только как собственно запрет выезда и лишение привычных жизненных условий в Союзе (работы, учебы), но и как унижение. Тому множество свидетельств и в ретроспективных нарративах¹⁶, а особенно – в письмах во властные инстанции, в которых жалобы на негативные решения органов соседствуют с жалобами на форму их преподнесения: «насильственное удержание нашей семьи [...] все более обретает черты садизма и глумления над человеческим достоинством»¹⁷, «полное пренебрежение к нашему человеческому достоинству...»¹⁸, «наше достоинство оскорбляют на инспирированных собраниях, в приемных и кабинетах ответственных работников МВД БССР»¹⁹, «унизительное бесправие и беззащитность перед произволом оскорбляют мое человеческое достоинство»²⁰, следователь «...позволял себе глумливо интерпретировать мои произведения, насмехаться и издеваться над моими товарищами». «Не в состоянии юридически обосновать отказ, должностные лица приводят смехотворные аргументы, неспособные убедить и ребенка, – и считают их достаточными для нас. Разве это не пренебрежение нашим человеческим достоинством? Разве не издевательством над нами [...] выглядит тот факт, что жалобы на ОВИР пересылаются в тот же ОВИР, где их подшивают в папку и посмеиваются: “Пишите, места еще много!”»²¹

Эти ламентации – или, по крайней мере, некоторые из них – были совершенно искренним выражением ощущения угрозы своему человеческому достоинству, а не элементом риторики убеждения или впечатления. Это подтверждается наличием той же темы в эго-документах, изначально не предназначенных для публики. Так, Виталий Рубин в дневнике описывает свои мысли в тот момент, когда в его квартиру

---

¹⁶ Например: «Вот тебе и “пуримшпиль”, поехали. Впервые в “воронке”. Человек шесть нас запихали. Не так страшно, как обидно, гадко, унизительно» [41].

¹⁷ Письмо Э. Левина министру внутренних дел БССР А.А. Климовскому. 3 апреля 1972 г. [Archiv der FSO. F. 30.45. P. 124]

¹⁸ Коллективное письмо председателю Совета министров БССР Киселеву Т.Я. 16 сентября 1971 г. [Archiv der FSO. F. 30.45. P. 42].

¹⁹ Коллективное письмо Л.И. Брежневу, А.Н. Косыгину, Н.В. Подгорному. Октябрь 1971 г. [Archiv der FSO. F. 30.45. P. 51].

²⁰ Письмо Э. Левина Н.В. Подгорному. 26 апреля 1972 г. [Archiv der FSO. F. 30.45. P. 137].

²¹ Коллективное письмо министру внутренних дел БССР А.А. Климовскому. 14 сентября 1971 г. [Archiv der FSO. F. 30.45. P. 41].

рано утром вломились с обыском: «Первая мысль: “Ты давно ожидал такого конца. Теперь главное – достоинство. Встретить конец достойно”» [42, с. 46].

Представляется, что у борьбы еврейских активистов за выезд была не только видимая и прямая задача – добиться разрешения на эмиграцию, но и косвенная – отстоять – или обрести – достоинство: личное, групповое, национальное. Достоинство – одна из центральных категорий в документах еврейского движения. Обретение достоинства виделось отказникам как целью самой эмиграции (например: «...моя семья и я можем жить жизнью, достойной человека, только в еврейском национальном государстве...»²²), так и результатом борьбы за нее, сопряженной с противостоянием властям и национальным возрождением. Рубин уже в Израиле, во время одного из публичных выступлений, сказал, что теперь, когда название «евреи молчания» больше не подходит к советским евреям, их следует называть «Jews of the human dignity» – и его слова прервали аплодисментами [42, с. 322]. И глумление над сотрудниками МВД и КГБ, унижающими отказников своим хамством, выставление их недогадливыми, тупыми, неспособными логически мыслить, видится компенсацией этого унижения и элементом обретения достоинства – как в то время, в отказе, так и постфактум: обретения достоинства путем унижения унижающих.

---

²² Письмо Ефима Давидовича Л.И. Брежневу. 24 декабря 1972 г. [Archiv der FSO. F. 30.45. P. 200].

Заключение

Примечательно, что еврейских активистов и диссидентов и гласно, и негласно преследовали и наказывали в том числе за такое преступление, как покушение на достоинство сотрудников органов. Например, Давид Дабкин вспоминает, что музыкант Петр Дубров, автора музыки к русскому римейку песни *Let my people go*, «был жесточайшим образом избит гэбэшниками, которые приговаривали: “Это тебе за фараона”» [43]. А обвинительное заключение по делу Владимира Альбрехта – в дополнение к основному обвинению: «систематически изготавливал произведения, содержащие заведомо ложные измышления, порочащие советский государственный и общественный строй», – гласило, что в своих рукописях «Как вести себя на обыске» и «Как быть свидетелем», а также в своих лекциях он допускает «моменты злобного цинизма и антисоветской сатиры», «с глумлением выставляет в отрицательном свете личные качества и поведение следователей» и «превозносит собственное молодечество, хитрость, ум, сообразительность и т. п., с помощью которых он якобы одерживал блистательные победы над следователями», проявляет «глумливый цинизм» и «геройство, выражающееся [...] в безнаказанных издевательствах над выполняющими свой долг государственными служащими» [44]. Как видно, это описание во многом – кроме, разумеется, оценки – совпадает с приведенными выше примерами из еврейских воспоминаний. Следовательно, сатира доходила до своих объектов и достигала цели – они обижались и мстили.

Таким образом, можно заключить, что «(анти)тоталитарный смех» отказников и активистов еврейского движения имел несколько адресатов и функций: приободряя себя и своих и помогая обрести индивидуальное и групповое достоинство, он также призван был поразить высмеиваемых, вполне, как оказалось, чувствительных к такому воздействию, то есть отказническая сатира была не односторонним творчеством, а коммуникативным актом в рамках агональных отношений с властью.

Список источников

1. Ioffe, Oushakine 2013 - Ioffe D.G., Oushakine S.A. Introduction: The Amusing Disturbance of Soviet Laughter // Russian Literature. 2013. Vol. 74(1–2). P. 1–10.
2. Остромоухова 2004 – Остромоухова Б. КВН — «молодежная культура шестидесятых»? // Неприкосновенный запас. 2004. № 4. С. 52-59
3. Горелик 1999 – Горелик Р. Спасительный смех // Отцы и дети. 1999. № 32. http://www.judaicaru.org/mekorhaim/vzglyad_32.html (дата обращения: 1.09.2021)
4. Coupe 1969 – Coupe W.A. Observations on a Theory of Political Caricature // Comparative Studies in Society and History. 1969. Vol. 11 (1). P. 79–95.
5. Lipovetsky 2011 – Lipovetsky M. Charms of the Cynical Reason: The Trickster's Transformations in Soviet and Post-Soviet Culture. Brighton: Academic Studies Press, 2011.
6. Таратута, Таратута 2016 – Таратута Аба, Таратута Ида. Негрустные воспоминания о нашей семье, жизни в Ленинграде и борьбе за выезд в Израиль. Хайфа, 2016.
7. Свечинский б.г. – [Свечинский В.] Интервью Виталия Свечинского Юлию Кошаровскому // Юлий Кошаровский. <http://kosharovsky.com/интервью/виталий-свечинский-2> (дата обращения: 1.09.2021)
8. Воронель 2003 – Воронель Н. Без прикрас: Воспоминания. М.: Захаров, 2003.
9. Иоффе 2004 – [Иоффе А.] Интервью Александра Иоффе Юлию Кошаровскому // Юлий Кошаровский. 2004. <http://kosharovsky.com/интервью/александр-иоффе> (дата обращения: 1.09.2021)
10. Drennan 2021 – Drennan E.S. Reading and Judging: Russian Literature on Trial. PhD. Thesis. Columbia University, 2021.
11. Lamb 1983 – Lamb G. US Jews protest treatment of Soviet dissidents, refuseniks // The Christian Science Monitor. February 7, 1983. <https://www.csmonitor.com/1983/0207/020744.html>
12. Щаранский 1991 – Щаранский Н. Не боюсь зла. М.: Олимп, 1991. <http://lib.ru/MEMUARY/MEADEAST/sharanskij.txt> (дата обращения: 1.09.2021)
13. Эдельштейн 2007 – [Эдельштейн Ю.] Интервью Юлия Эдельштейна Юлию Кошаровскому // Юлий Кошаровский. 2007. <http://kosharovsky.com/интервью/юлий-эдельштейн> (дата обращения: 1.09.2021)
14. Членов 2004 – [Членов М.] Интервью Михаила Членова Юлию Кошаровскому // Юлий Кошаровский. 2004. <http://kosharovsky.com/интервью/михаил-членов> (дата обращения: 1.09.2021)
15. Вольвовский б.г. – [Вольвовский Л.] Интервью Леонида Вольвовского автору // Кошаровский Ю. Мы снова евреи. Том 2 // Юлий Кошаровский. <http://kosharovsky.com/книги/том-2/часть-v-в-борьбе-за-выезд-и-выживание-в-о/глава-33-горка-и-овражки> (дата обращения: 1.09.2021)
16. Ключнер 2007 – Ключнер Е. Будни нашего «отказа» // Исход советских евреев. 2007. http://www.soviet-jews-exodus.com/Memory_s/MemoryKluzner.shtml (дата обращения: 1.09.2021)
17. Мааян 2007 – [Мааян Д.] Интервью Давида Мааяна (Черноглаза) Юлию Кошаровскому // Юлий Кошаровский, 2007. <http://kosharovsky.com/интервью/давид-мааян-черноглаз> (дата обращения: 1.09.2021)
18. Тувим 2005 – Тувим Ю. История моего отъезда // Еврейская старина. 2005. № 5 (29). <http://berkovich-zametki.com/2005/Starina/Nomer5/Tuvim1.htm> (дата обращения: 1.09.2021)

19. Бегун 2004 – [Бегун И.] Интервью Иосифа Бегуна Юлию Кошаровскому // Юлий Кошаровский. 16.01.2004. <http://kosharovsky.com/интервью/лев-эльберт> (дата обращения: 1.09.2021)
20. Мунблит 2011 – Мунблит А. Десять лет в «отказе» (1977–1987) // Исход советских евреев. 2011. http://www.soviet-jews-exodus.com/Memory_s/MemoryMoonblit.shtml (дата обращения: 1.09.2021)
21. Левин 2006а – Левин Э. И посох ваш в руке вашей. Документальный мемуар 2002 года (К тридцатилетию исхода из СССР) // Еврейская старина. 2006. № 3 (39). <http://berkovich-zametki.com/2006/Starina/Nomer3/Levin1.htm> (дата обращения: 1.09.2021)
22. Левин 2006д – Левин Э. И посох ваш в руке вашей. Документальный мемуар 2002 года (К тридцатилетию исхода из СССР). *Продолжение* // Еврейская старина. 2006. № 7 (43). <http://berkovich-zametki.com/2006/Starina/Nomer7/Levin1.htm> (дата обращения: 1.09.2021)
23. Левин 2006б – Левин Э. И посох ваш в руке вашей. Документальный мемуар 2002 года (К тридцатилетию исхода из СССР). *Продолжение* // Еврейская старина. 2006. № 4 (40). <http://berkovich-zametki.com/2006/Starina/Nomer4/Levin1.htm> (дата обращения: 1.09.2021)
24. Хёйзинга 1997 – Хёйзинга Й. Homo Ludens; Статьи по истории культуры. / Пер. Д.В. Сильвестрова; коммент. Д.Э. Харитоновича. М.: Прогресс – Традиция, 1997.
25. Векс 2012 – Векс М. Жизнь как квеч. Идиш: язык и культура. М.: Книжники, 2012.
26. Ингерман 1977 – [Ингерман Я.] Евреи и еврейский народ. Петиции, письма и обращения евреев СССР. 1973 / Под ред. Я. Ингермана. Иерусалим: Еврейский университет, Центр документации восточно-европейского еврейства, 1977.
27. Редлих 1973 – [Редлих Ш.] Евреи и еврейский народ. Петиции, письма и обращения евреев СССР. 1968-1970 / Под ред. Ш. Редлиха. Иерусалим: Еврейский университет, Центр документации восточно-европейского еврейства, 1973.
28. Аксельрод 1975 — [Аксельрод И.М.] Жена Виталия Рубина обращается к Брежневу // Наша страна. 19 октября 1975 г.
29. Рубин 1976а – Письмо Виталия Рубина сестре Марии // Наша страна. 24 мая 1976 г.
30. Рубин 1976б – Несколько эпизодов из жизни московских отказников и демократов // Наша страна. 1 июня 1976 г.
31. Ингерман 1980 – Евреи и еврейский народ. Петиции, письма и обращения евреев СССР. 1976-77-78 / Подготовка к печати Якова Ингермана. Иерусалим: Еврейский университет, Центр документации восточно-европейского еврейства, 1980.
32. Бен-Арье 1974 – Евреи и еврейский народ. Петиции, письма и обращения евреев СССР. 1971 / Под ред. Бен-Арье. Иерусалим: Еврейский университет, Центр документации восточно-европейского еврейства, 1974.
33. Розенблюм 2020 – Розенблюм О. «Дискуссий не было...»: открытые письма конца 1960-х годов как поле общественной рефлексии // Новое литературное обозрение. 2020. № 4. С. 38–51.
34. Лунц б.г. – [Лунц А.] Интервью Александра Лунца Юлию Кошаровскому // Юлий Кошаровский. <http://kosharovsky.com/интервью/александр-лунц> (дата обращения: 1.09.2021)

35. Левин 2006в – Левин Э. И посох ваш в руке вашей. Документальный мемуар 2002 года (К тридцатилетию исхода из СССР). *Продолжение* // Еврейская старина. 2006. № 5 (41). <http://berkovich-zametki.com/2006/Starina/Nomer5/Levin1.htm> (дата обращения: 1.09.2021)
36. Scott 1985 – Scott J.C. Weapons of the weak: Everyday forms of peasant resistance. New Haven: Yale University Press, 1985.
37. Scott 1990 – Scott J.C. Domination and the Arts of Resistance: Hidden Transcripts. New Haven: Yale University Press, 1990.
38. Olson 2013 – Olson L. Subversive Songs in Liminal Space: Women’s Political Častuški in Post-Soviet Russian Rural Communities // *Russian Literature*. 2013. Vol. 74(1–2). P. 163–183.
39. Олсон, Адоньева 2016 – Олсон Л., Адоньева С. Традиция, трансгрессия, компромисс. Миры русской деревенской женщины. М.: НЛЮ, 2016.
40. Paxson 2005 – Paxson M. Solovyovo: The Story of Memory in a Russian Village. Bloomington: Indiana University Press, 2005.
41. Шейнин 2016 – [Шейнин А.] 1982. Первый арест. Пурим на Колокольной. Вспоминает д-р Александр Шейнин // *Новости JEPS*. 23.03.2016. <https://news.jeps.ru/lichnaya-istoriya/evrei-sssr-purim-v-leningrade-nachalo-80-x.html>
42. Рубин 1989 — *Рубин В.А.* Дневники, письма. В 2-х книгах. Книга 2. Израиль: Библиотека-Алия, 1989.
43. Драбкин б.г. – [Драбкин Д.] Интервью Давида Драбкина Юлию Кошаровскому // Юлий Кошаровский. <http://kosharovsky.com/интервью/давид-драбкин> (дата обращения: 1.09.2021)
44. Архив Ваада. Альбрехт – Архив Ваада. Папка «Владимир Альбрехт». Обвинительное заключение. Машинопись. С. 3–4

В СЕРИИ ПРЕПРИНТОВ
РАНХиГС РАССМАТРИВАЮТСЯ
ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ
И ПРАКТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ
К СОЗДАНИЮ, АКТИВНОМУ
ИСПОЛЬЗОВАНИЮ
ВОЗМОЖНОСТЕЙ
ИННОВАЦИЙ В РАЗЛИЧНЫХ
СФЕРАХ ЭКОНОМИКИ
КАК КЛЮЧЕВОГО УСЛОВИЯ
ЭФФЕКТИВНОГО УПРАВЛЕНИЯ

РАНХиГС
РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА
И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ
ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ